

Гончаров С. З. Общественные отношения как конкретное основание всеобщих форм мышления / С. З. Гончаров // Научный диалог. — 2015. — № 11 (47). — С. 228—244.

УДК 130.121:37.025.7/.8

Общественные отношения как конкретное основание всеобщих форм мышления*

© Гончаров Сергей Захарович (2015), доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии и искусствоведения, ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (Екатеринбург, Россия), gsz2004@mail.ru.

Выходит, что логические категории
прямо вытекают из наших отношений

К. Маркс

Излагаются результаты исследования объективной основы мышления, его всеобщих форм — логических категорий. Автор исходит из того, что данную основу составляет социально-технологический базис мышления, взятый в его историческом развитии и включающий два главных компонента: технологическое преобразование реальности в труде и общественные отношения. Указано, что первым, кто поставил вопрос о генезисе логических категорий, был И. Кант, раскрывший с позиций самодетельности субъективную основу мышления, к которой он относил чувственность, продуктивное воображение и рассудок. Согласно И. Канту, категории не предзаданы ни объектом, ни субъектом, они «созданы нами самими» как схемы нашей собственной деятельности. Отмечается, что Г. В. Ф. Гегель, давший систему логических категорий в работе «Наука логики», проблеме их генезиса не ставил вообще. Анализ текстов К. Маркса показал, что он впервые в философии соединил единство деятельности и форм общения, труда и общественных отношений

* Начало статьи см.: Научный диалог. 2015. № 10(46). С. 41—58.

и раскрыл эвристичность такого синтеза в области категорий политической экономии. Показано, что в отечественной философии значение общественных отношений в генезисе логических категорий, как правило, лишь декларировалось, за некоторыми исключениями. Результаты исследования могут найти применение в преподавании гуманитарных и социальных дисциплин в высшей школе. Предложена историческая типология объективных основ мышления и сознания в единстве труда и общественных отношений, что в совокупности составляет новизну исследования, которая важна в научном методологическом отношении.

Ключевые слова: формы мышления; социальный обмен; общение; общественные отношения.

Под объективными основами мышления понимается его *социально-технологический базис*, включающий в свой состав два основных отношения — деятельное отношение людей к природе и их общественные отношения друг к другу. Рассмотрим три типа строения производства, социальных отношений и сознания: субъективный, объективный и универсальный (субъектный). Понятия субъективного и объективного строения производства заимствованы нами у К. Маркса.

1. Субъективное строение производства, социальных отношений и сознания

Субъективное строение характерно следующим. Производство имеет субъективное строение потому, что главным в процессе формирования природы выступают *живые индивиды*; такое производство включает *ручной труд и инструментальный* этап развития техники. Инструменту передана технологическая функция *непосредственного воздействия* на предмет труда. Управление инструментом и функция движения им закреплены за *индивидом*. Процесс труда *привязан к телесным и психическим* особенностям работника и основывается на *эмпирических* навыках. Труд является непосредственным, изменяющим *внешнюю материальную* оболочку предмета, и сопровождается эмпирическими схемами мышления. Целью такого труда всегда выступает производство *потребительной стоимости* (ценности для потребления). Такая цель является *особенной* и не содержит в себе установки на выход за рамки исходного пункта, на что

указывает схема простого товарного производства (товар — деньги — товар; или: Т — Д — Т). Обмен еще не подчинил себе производство. Ориентация на потребительную ценность задает «традиционное, самодовольно замкнутое в определенных границах удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство старого образа жизни» [Маркс, 1969, с. 387]; замедляет социальный обмен, консервирует социальные связи, продуцирует узкие общественные, а значит и духовные формы, создает местного человека и местную социальность.

Субъективное строение производства обуславливает и субъективное строение общественных отношений: в них доминирует личная зависимость, связанная как с социальными статусами лиц, так и с конкретными индивидуальными особенностями индивидов. Социальная общность основывается на первичной естественной общности — это семья, кровнородственная связь, индивидуальные привязанности, следующие из индивидуальных склонностей; традиции как очевидные, само собой разумеющиеся регуляторы поведения; глубинное интуитивное чувство родного, «нашего», «мы»; идентификация носит тоже локальный характер.

Субъективное строение присуще и мышлению, сознанию. Мышление еще не оторвалось от чувственного состава и не выделилось в самостоятельное начало, как и сами трудовые операции еще не отделились от предметной наполненности. В осознании реальности понятия носят *эмпирический* характер и отягощены в значительной мере представлениями. В духовной сфере *ценностное* миропонимание *доминирует* над *логическим*, то есть реальность берется, в первую очередь, по отношению к потребностям и интересам человека, в аспекте ее значимости для людей, для той или иной общности. Ценностные компоненты (религиозные, эстетические, нравственные) вплетены в понятийное мышление. Скрытые, невидимые связи истолковываются по образу и подобию субъективности человека — по аналогии с его действиями, чувствами, стремлениями, то есть *явно антропоморфно*. Это проявляется в обильном использовании метафор, образов, наглядных сравнений, пословиц, поговорок, легенд, мифов. Рациональное мышление еще не освободилось

от цельности мифа и от его *суггестии*. Политико-правовые формы вырастают из обычаев и традиций, из нравственных интуиций и функционируют в их материале, то есть право носит еще *естественный*, а не *позитивный* характер. В целом в сознании еще не сложился устойчивый способ мыслить и воспринимать реальность по схеме «объект — субъект». Такая схема предполагает *систему ряда посредников* как в отношении субъекта к природе (техника и технологии), так и в отношениях между субъектами (социальные институты).

2. Объективное строение производства, социальных отношений и сознания

Объективное строение социально-технологического базиса мышления выражено в следующем. Производство имеет объективное строение, так как главным в нем являются *предметные органы* труда — *техника*, а не индивиды; оно включает технологическое применение *науки* и *репродуктивный* труд рабочих. Процесс труда основывается на применении *машин* и *механизации* операций. Машине передаются новые технологические функции работников — не только непосредственное воздействие на предмет труда, но и функции *движения* и *управления* инструментом. Разделение труда между индивидами сменяется разделением функций между машинами.

В содержании труда доминируют *операциональный* и *управленческий* аспекты. Центр тяжести смещается с живого труда на предметные органы (систему машин). Труд «демускулизируется». Целью производства является уже прибавочная стоимость; эта цель *всеобща*, так как всеобща сама субстанция стоимости — общественно необходимый труд. Общая схема производства капитала (Д — Т — Д) указывает на *выход за пределы исходного пункта*, на *беспредельность*, что ведет к универсализации общения и общественных отношений, к воспроизводству индивидов с многообразными потребностями, связями, способностями. Установка на производство прибавочной стоимости интенсифицирует все формы социального обмена, расширяет и разнообразит социальные связи, создает мировой рынок, мировую торговлю, мировую историю, всемирность в осознании событий и всеобщие значения сознания.

Объективное строение производства задает и объективное строение общественных отношений в форме вещной зависимости людей, даже не знающих друг друга. Оценка социальной эффективности людей сводится к единому стоимостному индикатору — к деньгам, к капиталу. Все подлежит отчуждению и обмену, будь то недвижимость, должность или совесть. Произошло овещнение всей социальности: превращении личных сил и отношений в «силы вещные», «междусубъектных отношений — в междуобъектные», самоизменение и самообновление людей стало лишь *побочным продуктом* изменения и обновления *вещей*. Овещнение лиц и персонификация вещей сопровождаются сциентизмом, технократизмом, ценностным нигилизмом, объективизмом. Человеческая связь, первичные естественные общности людей превращаются в побочные социальные общности по сравнению с теми объединениями, которые выросли из *экономических, производственных, политико-правовых процессов*. Объединения людей скрепляются экономическими, технологическими, правовыми и политическими узами. Объективирование человеческой субъективности теперь предстает как овещненная процессуальная реальность и застывает в самостоятельную вторичную объективную вещную реальность.

Объективное строение общественных отношений выражается и продолжается в *объективном строении* мышления, сознания: *объективный метод* осознания реальности становится *доминирующим*; наука принесла удобства, комфорт, экономию человеческих усилий и осознается как *единственно верный* способ ориентации человека в мире (сциентизм); логическое сознание берет верх над ценностным, право и полиция превратились в главный регулятор поведения, а право стало *позитивным*, разработанным специалистами в целях согласования имущественных и других вещных интересов. Наука в системе разделения труда превратилась в одну из стадий производственного процесса — в стадию *разработки идеальной предметности* — конструирования моделей будущих вещей, в духовную силу производительного общественного труда.

Мыслительные процессы достигают высшей степени всеобщности, опосредствованности, рациональности, операциональности, конструктивности. Эталонными

в науке становятся тексты с терминами однозначного значения, со строгой логической последовательностью, с прозрачной операциональностью и конструктивной значимостью понятий. Такие характеристики научного мышления объясняются тем, что научные понятия не только отражают закономерности, но и служат на стадии реализации идеальными проектами, моделями будущих продуктов, целями для их производства. Поэтому понятия должны быть доведены до их *операциональной* осуществимости, должны быть *конструктивными*; научное понимание исключает религиозное «чудо». Ведь «чудо» нельзя прогнозировать, оно разрывает строгую детерминацию в производстве и непереводаемо на определенную операциональную последовательность.

За *объективностью, рациональностью, всеобщностью, опосредствованностью, операциональностью и конструктивностью* мышления скрывается вполне определенная социальность — фабрично-заводской уклад труда и меновые отношения капиталистического производства. Западный социолог М. Вебер весьма точно выразил *эталонный* тип социальных действий западного человека — «целерациональное» социальное действие. Миф, традиционные религии тускнеют перед разными формами *светской религиозности* — «религиозным» отношением к науке, к научно-техническому прогрессу, к богатству в его предметно-вещественной форме. В то же время в рамках светской религиозности возникают компенсирующие мифологемы — товарный фетишизм, фетишизм свободы, демократии, рынка, денег и Америки.

3. Универсальное (субъектное) строение производства, социальных отношений и сознания

Из объективного строения социальности закономерно вырастает ее универсальное, или субъектное, строение, которое характерно следующим. Научные технологии, экономика знаний выведут общество на качественно более высокий — *креативно-антропогенный* уровень. Эффективность труда будет зависеть не от величины мускульных усилий работников, а от мощи тех искусственных органов общественной практики (техники), которые созданы при помощи науки в виде автоматизированных наукоемких производственных

комплексов. Тем самым непосредственное рабочее время *перестает быть мерой богатства*, и производству, основанному на *меново́й стоимости*, *приходит конец* [Маркс, 1969, с. 214]. К. Маркс так конкретизирует данный технологический аспект: «Теперь рабочий уже не помещает между собой и объектом модифицированный предмет природы; теперь в качестве промежуточного звена между собой и неорганической природой, которой рабочий овладевает, он помещает природный процесс, преобразуемый им в промышленный процесс. Вместо того чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним». В качестве главной «основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господства над ней в результате его бытия в качестве общественного организма. <...> Происходит свободное развитие индивидуальностей, и поэтому имеет место <...> сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т. п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам» [Маркс, 1969, с. 213—214].

Экономические отношения сбросят свою загадочную товарную форму: за движением товаров, иных стоимостных показателей люди будут видеть *движение своих собственных трудозатрат*. В общественном сознании рассеется товарный и иной фетишизм. Ибо общественный жизненный процесс будет осознан индивидами как их собственное коллективное сознательное произведение. На первый план выйдет не производство средств жизни (материальное производство), а *культурное воспроизводство* поколений, целостных индивидов, поэтому социальная сфера общества будет главной (то, ради чего).

Накопление капиталов как ведущий мотив производства сменится накоплением идеальной предметности — *культуры*. Культурное воспроизводство людей станет главным *содержанием общественных отношений*, и тем самым отношения между людьми станут *непосредственно-общественными*, без анонимности разного рода *факторов* (цен, индексов на бирже, «рычагов управления» и т. п.), которые вступают между собой в особые надчеловеческие отношения.

Общество вступит в постэкономическую эпоху своей истории, когда по ту сторону труда «начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы» [Маркс, 1962, с. 387]. Ибо «царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, по природе своей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства». Свобода же в области материального производства может заключаться «лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, <...> совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей» [Маркс, 1962, с. 386—387].

Политическая сфера общества тоже подвергнется дефетишизации. Социальные институты, окончательно надоев гражданам своей бюрократической замкнутостью и самовоспроизводством в расширенном масштабе, снова примут социально ясную функцию — *как органы коллективной воли для самоорганизации и самоуправления ассоциированных субъектов.*

Ценностно-нейтральный стиль мышления избавится от этой односторонности: объективное понимание реальности будет дополнено равноценным компонентом — ее *ценностным пониманием и переживанием*; разум и «сердце» — это два крыла духовного полета творческой индивидуальности, не изуродованной технической цивилизацией в одномерный логический интеллект.

Мышление станет *интегральным, целостным, полным.* Такое мышление утвердится на основе аналогий *культурного производства поколений, целостных индивидов.* Доминирование самостоятельности, духовно-нравственная направленность в образе жизни «запишут» в сознании субъектов целостные и гибкие аналогии, позволяющие увидеть в природе, в ее самодвижных структурах новые грани — разумную *целосообразность*, согласованность частей с целым, эстетически оформленные меры. Качественно изменится сама оптика воззрения на природу: спонтанное бессознательное саморазвертывание ее сил уподобляет природу непосредственной искренности ребенка, в отношении которого взрослый человек побуждается быть

охранителем; возродится в особой форме античное миропонимание в виде *могучего эстетического разумного космизма*.

Новый тип строения производства, общественных отношений и сознания приведет в соответствие универсальную сущность человека с его существованием, ранее ограниченным как *орудийным* фондом, так и ставшей узкой *стоимостной* формой.

4. Субъективно-личностная форма богатства как основа антропологически направленной экономики

Вектор на *самоцельность развития продуктивно-творческих сил* человека изменит понимание самого *общественного* богатства. Общественное богатство существует в трех формах — *натурально-предметной* (ценности для потребления — жилище, компьютер и т. д.), *стоимостной* (натуральное богатство, измеренное деньгами) и *субъективно-личностной* (продуктивно-творческие силы человека, способности и умения людей). Стоимостная форма богатства полностью стирает все особенности потребительных ценностей, является чисто количественной мерой и ныне предстает как самоцель. Труд же, создающий ценности для потребления и продуктивно-творческие силы человека, превратился в *средство* созидания стоимостного (денежного) богатства, то есть *богатства вообще*, в созидание «сумасшедшей» формы богатства (финансовый капитал).

Количественный параметр богатства взял верховенство над его качественным креативно-антропологическим содержанием. Но ведь стоимостные показатели вполне можно использовать иначе — как средство измерять эффективность производства людьми собственной жизни *отношением производства к общественным потребностям, к целостному развитию индивидов, к реальным возможностям науки открывать глубинные закономерности «звездного мира», к реализации нравственных императивов социальной справедливости*. При таком критерии эффективности на первый план выйдет *не абстрактный, но конкретный труд*, определяемый конкретными общими целями. Только конкретный труд может утвердиться как *самоцель в силу его креативности по отношению к человеку*. Тем самым изменится вся социальность, она обретет иные, ценностные критерии жизни и мышления. Степень и пределы развития производства

определяются «отношением к целостному развитию индивидов» (К. Маркс). Экономика при таком критерии предстает антропологически направленной — как отрасль созидания предпосылок целостного развития индивидов.

Возникает *принципиальный* вопрос: цель производства капитала содержит установку на *выход за пределы исходного пункта*, на *беспредельность*, что ведет к универсализации общения и общественных отношений, к воспроизводству индивидов с многообразными потребностями, связями, способностями. Что более высокое может заменить такую установку?

Таким «более высоким» является субъективно-личностная форма богатства, то есть *продуктивно-творческие силы человека*, обретенные им путем деятельного усвоения культуры и в своей действительности объективирующиеся как предметный мир богатства, как мир общения и духовная жизнь общества. Дело в том, что за схемой производства капитала, если убрать стоимостную форму, скрывается схема расширенного производства продуктивно творческих сил человека: продуктивно-творческие силы — их объективации в мир культуры и предметно-натурального богатства — прирост и обновление этих сил!

Эта *антропологическая* схема тоже содержит установку на *выход за пределы достигнутого*, к *новым возможностям и значениям*, тоже указывает на *беспредельность*; но в отличие от схемы капитала она открывает *перспективу для всех, для каждого человека*, тогда как схема капитала дарит перспективу лишь для *владельца капитала*.

Субъективно-личностная форма богатства является *абсолютной* еще и потому, что и натурально-предметная, и стоимостная формы богатства являются производными от нее.

Особенностью этого вида богатства является следующее. В отличие от вещей и стоимостей такое богатство:

- неотчуждаемо от человека;
- во все времена оно было и будет генетическим истоком натурально предметного и стоимостного форм богатства;
- потребление этого богатства не уничтожает его, а умножает в общественном масштабе; например, поэзия А. С. Пушкина или музыка С. Рахманинова.

— оно так же беспредельно, не окончено, как и стоимостная форма богатства, но мотив его обретения является креативно-антропологическим;

— оно универсально, общечеловечно и может стать достоянием для каждого желающего — и человека, и народа.

Субъективно-личностная форма богатства есть *абсолютная* форма богатства; оно творится, в первую очередь, в системе *образования* (и в актах самообразования), в котором проектируется и утверждается *образ* должного человека с его универсальными по культурной значимости способностями и конкретными профессиональными умениями.

Натуральная форма богатства была доминирующей в *добуржуазную* эпоху, и люди тем самым не теряли здоровья ума. В буржуазной социальности на первое место вышла *стоимостная* форма богатства, и финансовый капитал оседлал «физическую» (производящую) экономику настолько, что единым критерием успешности стали деньги, и именно финансовый капитал диктует сценарий политических событий в планетарном масштабе [см.: Стариков, 2010]. Субъективно-личностная форма богатства есть возвращение к «натуральной» форме богатства (в том смысле, что культура — вторая природа) с тем уточнением, что на основе достигнутого в буржуазную эпоху престижным становится обладание не вещами, а продуктивно-творческими силами, на которые всегда есть спрос. Все остальное, как говорится, приложится. «Ум выше денег, мастера своего дела — выше олигархов, интеллектуальная собственность — выше имущественной, а интеллектуальный собственник — центральная фигура» [Симчера и др., 2010].

Доктор экономических наук, профессор МГУ Александр Бузгалин размышляет о *созидательной мотивации* в условиях *экономики знаний*: «Но для мира знаний частная собственность устарела», для работника «утилитарные блага отходят на второй план»; «ценности интересной, креативной деятельности, свободное время, отношения солидарности с товарищами по работе выходят на первый». «Почему более половины выпускников аспирантуры американского университета, — задает вопрос А. Бузгалин, — стремятся получить работу ассистента или доцента в колледже, а не менедже-

ра в фирме (где их зарплата могла бы быть в 2—5 раз выше)? Ответ давно известен: у человека, занятого творческой деятельностью, особенно социально востребованной, интересной, денежная мотивация не является главной. Первое место занимает <...> сама работа. Плюс отношения солидарности и творческого соперничества (но не рыночной конкуренции) с товарищами по работе. Плюс большой объем свободного времени. Плюс гарантированная занятость». А. Бузгалин заключает: если главной потребностью человека творческого станет сама деятельность, то решится «проблема отказа от пресыщения». Занятому интересной работой «попросту неинтересно гоняться за десятым костюмом или выбирать себе третий автомобиль Простота передвижения, а не шикарный автомобиль. Уютное жилище, а не огромные апартаменты» [Бузгалин, 2008].

Денежный стимул, оценка трудовой эффективности только в стоимостных показателях имеют свой *предел*, за которыми вступают в действие универсальная сущность человека — его свободная самодеятельность, увлеченность и радость от самого творческого процесса обновления общеинтересного дела, общественное признание, глубинное духовное общение с единомышленниками по обмену опытом творческого искания, некое служение сверхличным идеалам, выводящее за пределы уже достигнутого, «ставшего», «отвердевшего к иным возможностям и смысловым горизонтам. Такое выхождение за пределы достигнутого сообщает личности формат не «цельнокаменной природы», скроенной раз и навсегда, а личную *неоконечность, открытость* к новым вариантам понимания, общения и действия. Одним словом, в действие вступает вещно-*бескорыстная* мотивация одержимости, увлекательности духовно-культурными побудителями в качестве *самоцели*. Такая мотивация появляется в условиях *среднего и высшего по степени сложности труда*, который нами рассмотрен в отдельной публикации [Гончаров, 2003, с. 126—139].

Цивилизующая роль капитала на наших глазах уходит в безвозвратное прошлое. Агония буржуазной социальности налицо: перманентные экономические кризисы, социал-дарвинизм в политике,

деградация нравственности и культуры, влекущая за собой вырождение и верхов, и низов. Причина деградации — установка на прибыль любой ценой. При этом единственным критерием социальной эффективности выступают деньги, их прирост. Этот критерий вышел за рамки экономики и распространился на культуру и образование, на всю социальную сферу общества, в которой осуществляется культурное воспроизводство человека. Парламенты, политический суверенитет национальных государств, деятели политики — это и многое другое подлежит продаже. Проявлением агонии является усиленная дискредитация всех человеческих ценностей и мотивов *неэкономического* порядка. Но как железные дороги и паровой двигатель смели с исторической арены феодализм, так и наукоемкие технологии вытеснят из истории капиталистический способ производства, использующий человека не по назначению и блокирующий реализацию универсальной сущности человека.

5. Выводы

Изложенное (в частности, типология социально-технологического базиса мышления) позволяет сделать следующие выводы.

1. Необходима смена курса в развитии страны: переход от техногенной и экономикоцентричной ориентации к стратегии человекоцентричной, человекотворческой, в рамках которой смыслом развития производства и управления является создание таких общественных отношений и наукоемких технических систем, которые открывают возможность для созидания целостного человека и которые просторны для *реализации его продуктивно-творческих сил*. Вектор такой стратегии возник в советский период нашей страны. И, несмотря на постсоветский период, такой вектор частично зафиксирован в статье 7 Конституции России 1993 года: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [Конституция..., 2010, с. 5]. Как видно, тенденция данной стратегии пробивает себе дорогу. Аналитик Сергей Черняховский замечает по этому поводу в своей прекрасной статье: «Вообще, есть некоторая ирония в том, что Конституция, принятая в качестве за-

ключительного акта антисоциалистической и антикоммунистической контрреволюции 1991—1993 гг. вынуждена была записать в качестве одного из своих базовых положений не только характеристику социалистического вектора развития («Социальное государство»), но и прямо взятую из работ Маркса и программы коммунистической партии цель “создания условий, обеспечивающих свободное развитие человека”. Сравним у Маркса “Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех”. Но так уж бывает в истории, что подчас те, кто политически оказался победителем, вынуждены, подчиняясь объективным историческим требованиям, заявлять цели своих побежденных противников» [Черняховский, 2015].

2. Упомянутый человекоцентричный вектор развития обязывает органы власти и управления к изменению государственной политики в области образования. Система образования непосредственно определяет духовный и культурный, интеллектуальный и профессиональный потенциалы страны, ранг страны в международных отношениях и поэтому все более превращается в *антропогенный базис* общества. Современные деформации системы образования в России резко снижают креативный потенциал народа, обрекая страну на вечно «догоняющий» режим существования. Перманентная реформа отечественного высшего образования продолжается без ясных *целей, критериев и прогнозов*, которые допускали бы *практическую* проверку *эффективности* предлагаемых новаций; она не имеет иного результата, кроме отрицательного, вызывает у научно-педагогической общест-венности недоумение и тревогу, ибо ее последствия, если говорить по существу, создают угрозу национальной безопасности.

Органам власти целесообразно восстановить достоинства отечественного образования — основательность (фундаментальность), последовательность, системность и полноту, отказаться от Болонского соглашения, разработать новый проект с ясной целью, задачами, сроками, критериями эффективности и вынести его на обсуждение. Антропогенная сфера — образование, медицина, культура — заслуживает мощной инвестиционной поддержки государства. Культурный человек, нравственная личность, творческая индивидуальность, профессионально компетентный специалист, социально компетентный гражданин и патриот России, открытый к живому диалогу с иными

этнокультурами — таким нам представляется силуэт выпускника вуза в будущем.

3. Педагогическая значимость общения, общественных отношений заключается в том, что в профессиональном образовании доминирует установка «*работник — техника — профессия*» с ориентацией на формирование *профессиональной* компетентности. Между тем субъект труда за пределами профессии вступает в различные формы общения и общественных отношений, которые оказывают на его личность, сознание более конкретные влияния, определяя те или иные предпочтения в труде, в выборе видов деятельности, нравственной, гражданской позиций. Поэтому целесообразно учитывать связь «*человек — социальный институт — человек*» и на ее основе воспитывать *социальную* компетентность личности (подробнее об этом см.: [Гончаров, 2011, с. 515—525]). Профессиональная и социальная формы компетентности, присущие работнику, являются итоговым результатом его профессионального развития в системе общественных отношений.

4. Если культуроемкое, благожелательное общение, проектирующее в сознании студентов перспективу, созидает культурно развитого, честного человека и ответственного будущего специалиста, то общественные отношения являются для общественного сознания непосредственным основанием, поэтому сознание остро реагирует в первую очередь не на дефицит тех или иных продуктов, но именно на качество отношений, на попрание социальной справедливости, на «запредельное неравенство», о чем сообщает советник президента России по экономике академик Сергей Глазьев [Глазьев, 2015].

5. К. Маркс прозревал в своих трудах именно универсальное строение производства, общественных отношений и сознания, которому (строению) присуща отмеченная нами выше антропологическая схема. Такая схема дает надежный ориентир в развитии философии, всех гуманитарных и социальных наук.

Литература

1. Бузгалин А. Поймать ветер истории и стать лидером постиндустриального мира или скатиться в гетто отсталости / А. Бузгалин // Литературная газета. 13—19 февраля. — 2008. — № 6 (6158).

2. *Глазьев С.* Запредельное неравенство / С. Глазьев // Газ. Завтра. — 2015. — № 29 (1130).
3. *Гончаров С. З.* Логико-категориальное мышление : в 3 ч. / С. З. Гончаров. — Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2008—2011. — Т. 3 : Аксиология мышления. — 2011. — 609 с.
4. *Гончаров С. З.* Экономические и культурологические основы перспективных аспектов государственной политики в области образования / С. З. Гончаров // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии образования. — 2003. — № 2 (20). — С. 126—139.
5. *Конституция* Российской Федерации. — Москва : Айрис-пресс, 2010. — 64 с.
6. *Маркс К.* Капитал : т. 3, кн. 3 / К. Маркс // Маркс К. Сочинения : [2-е изд.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва : Политиздат, 1962. — Т. 25. — Ч. 2. — С. 3—458.
7. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 годов / К. Маркс // Маркс К. Сочинения : [2-е изд.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва : Политиздат, 1969. — Т. 46. — Ч. 2. — 612 с.
8. *Симчера В.* Где ресурсы модернизации / В. Симчера, А. Нагорный // Газ. Завтра. — 2010. — № 3 (844).
9. *Стариков Н.* Кризис : как это делается / Н. Стариков. — Санкт-Петербург : Лидер, 2010. — 304 с.
10. *Черняховский С.* Цена справедливости / С. Черняховский // Газ. Завтра. — 2015, август. — № 32 (1133).

Social Relations as Specific Grounds for Universal Forms of Thought

© **Goncharov Sergey Zakharovich (2015)**, Doctor of Philosophy, professor, Head of Department, Department of Philosophy, Culturology and Art History, Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia), gsz2004@mail.ru.

The results of the study of objective basis of thinking, its general forms — logical categories — are described. The author proceeds from the fact that the basis is formed of social and technological basis of thought taken in its historical development and including two main components: the technological transformation

of reality in work and social relations. It is pointed out that the first who raised the question about the genesis of logical categories was I. Kant who reveals from the standpoint of amateur subjective basis of thinking, to which it relates sensuality, productive imagination and reason. According to Kant, the categories are not pre-set neither by object nor subject, they are "created by ourselves" as a scheme of our own activities. It is noted that G. W. F. Hegel, who gave the system of logical categories in the "Science of Logic", did not raised the question on their genesis at all. Analysis of texts of Marx showed that he first joined in the philosophy the unity of activity and forms of communication, work and social relations and revealed the heuristicity of such synthesis in the categories of political economy. It is shown that the value of the national philosophy of social relations in the genesis of logical categories usually only declared, with some exceptions. The research results can be applied in the teaching of humanities and social sciences in higher education.

Key words: forms of thought; social sharing; communication; social relations.

References

- Buzgalin, A. 2008. Poymat' veter istorii i stat' liderom postindustrialnogo mira ili skatit'sya v getto otstalosti. *Literaturnaya gazeta*, 13—19 fevralya, 6 (6158). (In Russ.).
- Chernyakhovskiy, S. 2015. Tsena spravedlivosti. *Gaz. Zavtra*, № 32 (1133). (In Russ.).
- Glazyev, S. 2015. Zapredelnoe neravenstvo. *Gaz. Zavtra*, 29 (1130). (In Russ.).
- Goncharov, S. Z. 2003. Ekonomicheskiye i kulturologicheskiye osnovy perspektivnykh aspektov gosudarstvennoy politiki v oblasti obrazovaniya. *Obrazovanie i nauka. Izvestiya Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii obrazovaniya*, 2 (20): 126—139. (In Russ.).
- Goncharov, S. Z. 2011. *Logiko-kategorialnoye myshleniye: v 3 ch.* Yekaterinburg: Izd-vo GOU VPO «Ros. gos. prof-ped. un-t». 3: Aksiologiya myshleniya. (In Russ.).
2010. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii*. Moskva: Ayris-press. 64. (In Russ.).
- Marks, K. 1969. Ekonomicheskiye rukopisi 1857—1859. In: Marks, K., Engels, F. *Sochineniya*. Moskva: Politizdat. 46(2). (In Russ.).
- Marks, K. 1962. Kapital: 3(3). In: Marks, K., Engels, F. *Sochineniya*. Moskva: Politizdat. 25(2): 3—458. (In Russ.).
- Simchera, V., Nagornyy, A. 2010. Gde resursy modernizatsii. *Gaz. Zavtra*, № 3 (844). (In Russ.).
- Starikov, N. 2010. *Krizis: kak eto delaetsya*. Sankt-Peterburg: Lider. 304. (In Russ.).